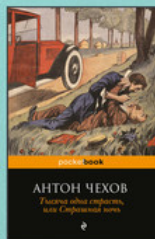

Антон Чехов

Капитанский мундир

*Часть сборника
Тысяча одна страсть, или
Страшная ночь (сборник)*

Антон Павлович Чехов

Капитанский мундир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22027978

Тысяча одна страсть, или Страшная ночь / Антон Чехов: Э; Москва; 2016

Аннотация

«Восходящее солнце хмурилось на уездный город, петухи еще только потягивались, а между тем в кабаке дяди Рылкина уже были посетители. Их было трое: портной Меркулов, городской Жратва и казначейский рассыльный Смехунов. Все трое были выпивши...»

Антон Чехов

Капитанский мундир

Восходящее солнце хмурилось на уездный город, петухи еще только потягивались, а между тем в кабаке дяди Рылкина уже были посетители. Их было трое: портной Меркулов, городской Жратва и казначейский рассыльный Смехунов. Все трое были выпивши.

– Не говори! И не говори! – рассуждал Меркулов, держа городского за пуговицу. – Чин гражданского ведомства, ежели взять которого повыше, в портняжном смысле завсегда утрет нос генералу. Взять таперича хотя камергера... Что это за человек? Какого звания? А ты считай... Четыре аршина сукна наилучшего фабрики Прюнделя с сыновьями, пуговики, золотой воротник, штаны белые с золотым лампасом, все груди в золоте, на вороте, на рукавах и на клапанах блеск! Таперича ежели шить на господ гофмейстеров, шталмейстеров, церемониймейстеров и прочих министерий... Ты как понимаешь? Помню это, шили мы на гофмейстера графа Андрея Семеныча Вонляревского. Мундир – не подходи! Берешься за него руками, а в жилках пульса – цик! цик! Настоящие господа ежели шьют, то не смей их беспокоить. Снял мерку и шей, а ходить примеривать да прифасониваться никак невозможно. Ежели ты стоящий портной, то сразу по мерке сделай... С колокольни спрыгни, в сапоги попади – во

как! А около нас был, братец ты мой, как теперь помню, жандармский корпус... Хозяин наш Осип Яклич и выбирал из жандармов, которые подходящие, чтоб заказчику под корпус подходили, для примерки. Ну-с, это самое... выбрали мы, братец ты мой, для графского мундира одного подходящего жандармика. Позвали... Надевай, харя, и чувствуй!.. Потеха! Надел он, это самое, мундир таперя, поглядел на груди – и что ж! Обомлел, знаешь, затрепетал, без чувств...

– А на исправников шили? – осведомился Смахунов.

– Эко-ся, важная птица! В Петербурге исправников этих, как собак нерезаных... Тут перед ними шапку ломают, а там – «посторонись, чево прешь!».. Шили мы на господ военных да на особ первых четырех классов. Особа особе рознь... Ежели ты, положим, пятого класса, то ты – пустяки... Приходи через неделю и всё готово – потому, окромя воротника и нарукавников, ничего... А ежели который четвертого класса, или третьего, или, положим, второго, тут уж хозяин всем в зубы, и беги в жандармский корпус. Шили мы раз, братец ты мой, на персидского консула. Нашили мы ему на грудях и на спине золотых кренделей на полторы тыщи. Думали, что не отдаст; ан нет, заплатил... В Петербурге даже и в татарах благородство есть.

Долго рассказывал Меркулов. В девятом часу он, под влиянием воспоминаний, заплакал и стал горько жаловаться на судьбу, загнавшую его в городишко, наполненный одними только купцами и мещанами. Городовой отвел уже двоих в

полицию, рассыльный уходил два раза на почту и в казначейство и опять приходил, а он всё жаловался. В полдень он стоял перед дьячком, бил себя кулаком по груди и роптал:

– Не желаю я на хамов шить! Не согласен! В Петербурге я самолично на барона Шпуцеля и на господ офицеров шил! Отойди от меня, длиннополая кутья, чтоб я тебя не видел своими глазами! Отойди!

– Возмечтали вы о себе высоко, Трифон Пантелеич, – убеждал портного дьячок. – Хоть вы и артист в своем цехе, но бога и религию не должны забывать. Арий возмечтал, вроде как вы, и помер поносной смертью. Ой, помрете и вы!

– И помру! Пушай лучше помру, чем зипуны шить!

– Мой анафема здесь? – послышался вдруг за дверью бабий голос, и в кабак вошла жена Меркулова Аксинья, пожилая баба с подсученными рукавами и перетянутым животом. – Где он, идол? – окинула она негодующим взором посетителей. – Иди домой, чтоб тебя разорвало, там тебя какой-то офицер спрашивает!

– Какой офицер? – удивился Меркулов.

– А шут его знает! Сказывает, заказать пришел.

Меркулов почесал всей пятерней свой большой нос, что он делал всякий раз, когда хотел выразить крайнее изумление, и пробормотал:

– Белены баба объелась... Пятнадцать годов не видал лица благородного и вдруг нынче, в постный день – офицер с заказом! Гм!.. Пойти поглядеть...

Меркулов вышел из кабака и, спотыкаясь, побрел домой... Жена не обманула его. У порога своей избы он увидел капитана Урчаева, делопроизводителя местного воинского начальника.

– Ты где это шатаешься? – встретил его капитан. – Целый час жду... Можешь мне мундир сшить?

– Ваше благор... Господи! – забормотал Меркулов, захлебываясь и срывая со своей головы шапку вместе с клочком волос. – Ваше благородие! Да нешто вперво́й мне это самое? Ах, господи! На барона Шпучеля шил... Эдуарда Карлыча... Господин подпоручик Зембулатов до сей поры мне десять рублей должен. Ах! Жена, да дай же его благородию стульчик, побей меня бог... Прикажете мерочку снять или дозволите шить на глазомер?

– Ну-с... Твое сукно и чтоб через неделю было готово... Сколько возьмешь?

– Помилуйте, ваше благородие... Что вы-с, – усмехнулся Меркулов. – Я не купец какой-нибудь. Мы ведь понимаем, как с господами... Когда на консула персидского шили, и то без слов...

Снявши с капитана мерку и проводив его, Меркулов целый час стоял посреди избы и с отупением глядел на жену. Ему не верилось...

– Ведь этакая, скажи на милость, оказия! – проворчал он наконец. – Где же я денег возьму на сукно? Аксинья, дай-ка, братец ты мой, мне в кредит те деньги, что за корову выру-

чили!

Аксинья показала ему кукиш и плюнула. Немного погодя она работала кочергой, била на мужниной голове горшки, таскала его за бороду, выбегала на улицу и кричала: «Ратуйте, кто в бога верует! Убил!..» – но ни к чему не привели эти протесты. На другое утро она лежала в постели и прятала от подмастерий свои синяки, а Меркулов ходил по лавкам и, ругаясь с купцами, выбирал подходящее сукно.

Для портного наступила новая эра. Просыпаясь утром и обводя мутными глазами свой маленький мирок, он уже не плевал с остервенением... А что диковиннее всего, он перестал ходить в кабаки и занялся работой. Тихо помолившись, он надевал большие стальные очки, хмурился и священнодейственно раскладывал на столе сукно.

Через неделю мундир был готов. Выгладив его, Меркулов вышел на улицу, повесил на плетень и занялся чисткой; снимет пушинку, отойдет на сажень, щурится долго на мундир и опять снимет пушинку – и этак часа два.

– Беда с этими господами! – говорил он прохожим. – Нет уж больше моей возможности, замучился! Образованные, деликатные – поди-кась угоди!

На другой день после чистки Меркулов помазал голову маслом, причесался, завернул мундир в новый коленкор и отправился к капитану.

– Некогда мне с тобой, остолопом, разговаривать! – останавливал он каждого встречного. – Нешто не видишь, что

мундир к капитану несую?

Через полчаса он воротился от капитана.

– С получением вас, Трифон Пантелеич! – встретила его Аксинья, широко ухмыляясь и застыдившись.

– Ну и дура! – ответил ей муж. – Нешто настоящие господа платят сразу? Это не купец какой-нибудь – взял да тебе сразу и вывалил! Дура...

Два дня Меркулов лежал на печи, не пил, не ел и предавался чувству самоудовлетворения, точь-в-точь как Геркулес по совершении всех своих подвигов. На третий он отправился за получкой.

– Их благородие вставши? – прошептал он, вползая в переднюю и обращаясь к денщику.

И, получив отрицательный ответ, он стал столбом у косяка и принялся ждать.

– Гони в шею! Скажи, что в субботу! – услышал он, после продолжительного ожидания, хрипенье капитана.

То же самое услышал он в субботу, в одну, потом в другую... Целый месяц ходил он к капитану, высиживал долгие часы в передней и вместо денег получал приглашение убираться к чёрту и прийти в субботу. Но он не унывал, не роптал, а напротив... Он даже пополнел. Ему нравилось долгое ожидание в передней, «гони в шею» звучало в его ушах сладкой мелодией.

– Сейчас узнаешь благородного! – восторгался он всякий раз, возвращаясь от капитана домой. – У нас в Питере все

такие были...

До конца дней своих согласился бы Меркулов ходить к капитану и ждать в передней, если бы не Аксинья, требовавшая обратно деньги, вырученные за корову.

– Принес деньги? – встречала она его каждый раз. – Нет? Что же ты со мной делаешь, пес лютый? А?.. Митька, где кочерга?

Однажды под вечер Меркулов шел с рынка и тащил на спине куль с углем. За ним торопилась Аксинья.

– Ужо будет тебе дома на орехи! Погоди! – бормотала она, думая о деньгах, вырученных за корову.

Вдруг Меркулов остановился как вкопанный и радостно вскрикнул. Из трактира «Веселие», мимо которого они шли, опрометью выбежал какой-то господин в цилиндре, с красным лицом и пьяными глазами. За ним гнался капитан Урчаев с кием в руке, без шапки, растрепанный, разлохмаченный. Новый мундир его был весь в мелу, одна погона глядела в сторону.

– Я заставлю тебя играть, шулер! – кричал капитан, неистово махая кием и утирая со лба пот. – Я научу тебя, протобестия, как играть с порядочными людьми!

– Погляди-кась, дура! – зашептал Меркулов, толкая жену под локоть и хихикая. – Сейчас видать благородного. Купец ежели что сошьет для своего мужицкого рыла, так и снесу нет, лет десять таскает, а этот уж истрепал мундир! Хоть новый шей!

– Поди попроси у него деньги! – сказала Аксинья. – Поди!

– Что ты, дура! На улице? И ни-ни...

Как ни противился Меркулов, но жена заставила его подойти к рассвирепевшему капитану и заговорить о деньгах.

– Пошел вон! – ответил ему капитан. – Ты мне надоел!

– Я, ваше благородие, понимаю-с... Я ничего-с... но жена... неразумная тварь... Сами знаете, какой ум в голове у ихнего бабьего звания...

– Ты мне надоел, говорят тебе! – взревел капитан, тараша на него пьяные, мутные глаза. – Пошел прочь!

– Понимаю, ваше благородие! Но я касательно бабы, потому, извольте знать, деньги-то коровьи... Отцу Иуде корову продали...

– Ааа... ты еще разговаривать, тля!

Капитан размахнулся и – трах! Со спины Меркулова посыпался уголь, из глаз – искры, из рук выпала шапка... Аксинья обомлела. Минуту стояла она неподвижно, как Лотова жена, обращенная в соляной столб, потом зашла вперед и робко взглянула на лицо мужа... К ее великому удивлению, на лице Меркулова плавала блаженная улыбка, на смеющихся глазах блестели слезы...

– Сейчас видать настоящих господ! – бормотал он. – Люди деликатные, образованные... Точь-в-точь, бывало... по самому этому месту, когда носил шубу к барону Шпуцелю, Эдуарду Карлычу... Размахнулись и – трах! И господин подпоручик Зембулатов тоже... Пришел к ним, а они вскочили

и изо всей мочи... Эх, прошло, жена, мое время! Не понимаешь ты ничего! Прошло мое время!

Меркулов махнул рукой и, собрав уголь, побрел домой.